

**ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ РОССИИ С АФГАНИСТАНОМ НА РЫНКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)**

© 2008 В.Н.Шкунов

Инзенский государственный техникум, г.Инза

Укрепление империи Дуррани способствовало развитию как внутренней, так и внешней торговли афганцев. К началу XIX века к афганскому рынку проявляют повышенный интерес и российские торговцы. Однако установлению прямых торгово-экономических отношений между двумя империями мешали многие причины: откровенно враждебная позиция Англии, сложные взаимоотношения России с Хивинским ханством, через территорию которого проходили торговые пути в Афганистан, отсутствие достоверных сведений в России о ее южном соседе и др. Вот почему торговые связи народов двух стран осуществлялись на рынках Средней Азии и не прекращались на протяжении всей второй половины XVIII – XIX века.

Начало 50-х гг. XVIII в. отмечено продолжением успешных завоевательных походов Ахмад-шаха, в ходе которых под власть афганского правителя попали ханства Балх, Андхой, Кундуз, Шибирган и Меймене. Это привело к возникновению напряженности в отношениях между империей Дуррани и Бухарским ханством, которая привела к ожесточенной войне в 1789 – 1790 гг. Вместе с тем, несмотря на политические разногласия, вызванные борьбой за влияние в некогда независимых узбекских ханствах и бекствах, ни Бухара, ни Кандагар (столица империи при Ахмад-шахе – В.Ш.) не прекращали торговых связей. Укрепление государства способствовало развитию ремесел, торговли, росту городов, а также развитию внешне-экономических связей империи Дуррани с ближними и дальними странами. Через всю территорию государства проходили оживленные торговые караванные пути, которые вели на Иран, Индию, ханства Средней Азии, Китай, к побережью Индийского океана. Таким образом, за сравнительно короткий исторический период Афганистан стал важным центром международной транзитной торговли, а афганские торговцы с успехом использовали выгоды, получаемые от транзита товаров через территорию своей страны.

Обострение ситуации в Центральной Азии, связанное с цинским захватом Джунгарского ханства и всего Восточного Туркестана, а также намерением китайских властей к расширению экспансии в Средней Азии угрожало торгово-экономическим интересам России в этом регионе. Пытаясь предотвратить дальнейшую эскалацию цинов в Средней Азии и

казахских степях, Петербург пытался найти взаимопонимание с правительством афганского Ахмад-шаха. С этой целью в его ставку был направлен в конце 1864 г. капитан Богдан Асланов [5, С. 83 – 85]. Одной из целей его миссии было решение вопросов, связанных с расширением торговых отношений между Российской империей и империей Дуррани. Миссия Асланова в Афганистан и его переговоры в ставке шаха – свидетельство не только попытки установления союзнических отношений двух империй перед лицом растущей опасности со стороны цинского Китая, но и показатель искреннего желания к развитию взаимовыгодных торгово-экономических отношений.

Расширение границ империи Дуррани во второй половине XVIII в. способствовало складыванию предпосылок для упрочения экономических связей между захваченными территориями. Большие преимущества давало также включение в состав империи Дуррани славившихся своим производством и торговлей Пенджаба, Ладака, Кашмира, Бахавалпура и других государств. К примеру, только производство знаменитых кашмирских шалей давало казне и афганским торговцам огромные доходы. К началу XIX в. здесь отмечался рост ремесленного производства; возросло количество ткачей. По свидетельству Мяхтие Рафо (Мехти Рафаилов – В.Ш.), в Сринагаре насчитывалось до 20 тыс. ткацких станков. [1, ф. Главный архив II-11, 1819 г., оп. 50, д.4] Немалое количество кашмирских шалей вывозилось в ханства Средней Азии, а уже оттуда реэкспортировалось в Россию. Так, в 1818 г. только в Троицк было доставлено кашмирских шалей на сумму

378 360 руб. [2, ф.339, оп.1, д.29, л.27 об.-28] Ассортимент производившихся в Кашмире шалей был самым разнообразным. В одном из документов приводится реестр широким шалям, с двойной и тройной каймами, различающихся цветом и рисунком. Среди них – шали "железного", зеленого, малинового, черного, белого, пунцового, желтого цвета, шали "мерь д`уа" и др. [2, ф.6, оп.3, д.2642, л.4]. В Бухаре и Хиве, а также по прибытии караванов в Оренбурге и Троицке кашмирские шали порой закупались

по заказу членов императорской семьи и крупных российских сановников. Уникальные экземпляры кашмирских шалей стоили очень дорого. Так, в 1809 г. у бухарца Банкшиева были закуплены кашмирские шали по поручению императора Александра I. Каждая шаль стоила по 400 руб. О динамике привоза в Россию кашмирских шалей за период с 1818 по 1825 гг. только по Оренбургской таможне можно судить из следующей таблицы:

Таблица №1. Динамика привоза в Россию кашмирских шалей за период с 1818 по 1825 гг.

Показатель	1818	1819	1820	1822	1823	1824	1825	1826	1827
Количество	987	288	369	261	96	159	528	298	138
На сумму	378360	157460	193475	145300	29550	46570	393230	264600	99325
Средняя цена 1 шали	383	547	524	556	308	293	745	887	719
% стоимости шалей в общем годовом привозе	9,6	4,6	6,7	13,8	24,8	5,7	16,2	22,6	11,2

Источник: ГАОО, ф.339, оп.1, д.29, л.270 об.-280 (Подсчитано нами. – В.Ш.)

Из приведенных данных в таблице видно, что спрос в России на кашмирские шали, привозившиеся афганскими купцами в ханства Среднюю Азию и оттуда вывозившиеся на Оренбургскую линию, на протяжении всего рассматриваемого периода был достаточно высок. Разброс цен на шали объясняется, на наш взгляд, двумя причинами: 1) качеством изделий; 2) объемами привоза и эффективностью торговли шальями прошлогоднего привоза. Несмотря на дороговизну, кашмирские шали пользовались, в основном, устойчивым спросом как на крупнейших ярмарках страны, так и на ярмарках губернских городов. Поэтому не случайно их доля в общем импорте из государств Средней Азии оставалась высокой: от почти 5 % в 1819 г. до четверти стоимости импорта в 1823 г.

Оренбуржье было не единственным местом импорта кашмирских шалей. Значительная их часть экспортировалась в Иран, а оттуда расходилась в другие страны, включая и Россию. При этом следует заметить, что спрос на кашмирские шали оставался достаточно высоким на протяжении всего рассматриваемого периода. С купеческими караванами шали расходились по всему Среднему и Ближнему Востоку. К примеру, в Решт в 1847 г. из Багдада и Шираза привезли 200 кашмирских шалей на общую сумму 10 тыс. руб. асс. [1, ф. Главный архив I – 9, 1847 – 1854 гг., оп.8, д.11, л.193] А в 1848 г. только из Тебриза вывезли шалей на

общую сумму 177 100 руб. [Там же, л. 57]. В 1849 г. в Россию из Тебриза доставили шалей на сумму 1 150 руб., а в 1850 г. – 8 314 руб. [Там же, л.321] В 1850 г. только в Константинополь привезли из Тебриза шалей на сумму 409 924 руб. [Там же, л.382].

Во второй половине XVIII в. – начале XIX в. торговые связи российских и афганских купцов осуществлялись, в основном, на рынках Средней Азии. Некоторые архивные документы свидетельствуют и о приезде российских торговцев непосредственно в Кабул. Так, к примеру, в 1808 г. в Кабуле находился российский армянин Моисей Иванов, который смог выкупить своего соотечественника, пленного российского армянина А. Давыдова, и через Бухару доставил его в Россию. В это же время в Кабуле "по торговым делам" находился астраханский армянин Артемий Яковлев [2, ф.6, оп.10, д.464, л.1 – 5]. О том, что российские подданные бывали в Кабуле по торговым делам можно судить и по сведениям Министерства коммерции Российской империи. Когда в первые годы XIX в. готовилась миссия в Бухару поручика Я.П.Гавердовского, в инструкции министерства коммерции среди прочих пояснений и заданий говорилось также и о том, что "некоторые русские купцы в Кабуле были". Поэтому поручику предписывалось выяснить: "...кто именно и как велик торг производили?" [1, ф. Главный архив I – 7, 1802 г., оп.6, д.2,

л.109 – 109 об.]. И хотя миссия Гавердовского сорвалась вследствие нападения грабителей, сам интерес российских властей к торговле с Афганистаном сохранился. Руководители последующих миссий в отчетах непременно касались вопросов российско-афганской и среднеазиатско-афганской торговли. В России в начале XIX в. из афганцев торговали Мяхтие Рафо, кабульский еврей, который, в частности, доставлял в Санкт-Петербург аргамаков, а также грузинский дворянин Семен Захарович Мадатов [2, ф.6, оп.10, д.11, л. 3].

Ценные сведения о торговле афганцев на рынках Средней Азии приводит Е.К.Мейендорф в книге "Путешествие из Оренбурга в Бухару" [10]. Количество афганцев, проживавших в Бухаре и других городах ханства, значительно возросло с 1817 г., когда в Афганистане усилились центробежные процессы, а распад империи Дуррани привел не только к росту сепаратизма, но и большому количеству беженцев. По оценке Мейендорфа, во время его пребывания в ханстве здесь проживало не менее 2000 афганцев, включая и купцов из "восточных горных частей страны". Следует заметить, что, несмотря на крайне нестабильную обстановку в Афганистане, торговая деятельность афганских купцов на рынках Средней Азии не прекращалась. Мы не можем согласиться с выводом Ю.В.Ганковского, что в этот период "пришла в упадок транзитная международная торговля через Афганистан" [5, С.170]. Отчеты российских разведчиков, путешественников и дипломатов свидетельствуют об обратном: в Бухаре постоянно находились афганские купцы, которые не прерывали свои операции, продолжая играть важную роль в транзитной торговле. Судя по архивным документам, в первой четверти XIX в. как в ханства Средней Азии, так и в Россию не прекращался ввоз изделий из Кашмира (прежде всего, знаменитых кашмирских шалей). У Мейендорфа читаем: "Торговые операции между Бухарой и Кашмиром осуществляются главным образом кабульскими купцами. Они вывозят из Кашмира шали и красивые покрывала из вышитого золотом сукна" [10, С. 129]. Практически весь экспорт кашмирских шалей находился в руках афганских купцов: из 100 тыс. штук шалей, производившихся в Кашмире в год, примерно 3 тыс. вывозилось в Бухару. Из этого количества около 2 тыс. шалей реэкспортировалось в Россию [Там же]. О

том, что роль и значение афганских торговцев на рынках Средней Азии не уменьшились и в самые нестабильные периоды истории Афганистана, свидетельствует и другое заключение Мейендорфа: "Среди народов, имеющих сношения с Бухарой, индусы и афганцы ведут наиболее значительную торговлю... Кабульские купцы привозят в Бухару индиго и изготовленные в Кашмире, Кабуле и Герате шали... Их меняют на русскую кисею, бумагу, железо, медь, мелкий стеклянный товар, кошениль и вытканые золотом материи, которые дешевле, чем индийские и персидские" [Там же, С. 129 – 130]. В период континентальной блокады бухарские купцы при посредничестве афганских и индийских торговцев ввозили на Оренбургскую линию значительное количество английских товаров, доставлявшихся из Индии. "Так народные потребности находят средства сбыта и открывают торговле новые пути, которые никогда не могли бы предвидеть самые просвещенные администраторы", – приходит к выводу Е.К.Мейендорф [Там же, С. 130].

В начале XIX в. Афганистан оказывается в центре внимания английских властей. Торгово-экономическая экспансия Англии на Востоке не могла обойти стороной этот исключительно важный центр транзитной международной торговли, где скрещивались торговые пути. Интерес к Афганистану со стороны Лондона резко возрастает. Этим, в частности, объясняются английские миссии в Кабул М.Эльфинстона, А.Бёрнса и др. Не имея достоверных данных о стране, англичане стремятся к накоплению и проверке информации. Разрабатываются проекты по расширению торговли Англии и Индии со Средней Азией через территорию Афганистана. Так, в 1835 г. в Лондоне вышла работа английского резидента Ч.Мэссона "О торговле Кабула", в которой автор считал необходимым организовать в Митанкоте английскую факторию для торговли с ханствами Средней Азии, полагая, что со временем здесь будет значительный торг. Если в 1834 г. товарооборот индийско-среднеазиатской торговли только в Кабуле оценивался в 1 млн ф.ст., то со временем, по мнению Мэссона, он мог возрасти многократно [15, Р. 41 – 59.]. А.Бернс, в свою очередь, замечал: "Бухара может считаться посредницей между Европой и Азией, центральным рынком для выгодного размена китайских, персидских, индийских и афганских

товаров" [3, С.572]. В качестве идеологического обоснования своих планов по продвижению на Среднем Востоке в Лондоне из "запасников" вновь была извлечена идея о стремлении России к захвату Индии. На практике же, как отмечает О.И.Жигалина, "экспансионистские планы британских правящих кругов не ограничивались установлением английского контроля над Ираном и Афганистаном, их взоры устремлялись далее на север, к граничащим с Россией районам Средней Азии" [6, С.46]. Вместе с тем, мы не можем согласиться с выводом О.И.Жигалиной о том, что "заинтересованные в укреплении своих позиций в Иране и Афганистане, Англия и Россия преследовали разные цели" [Там же]. Цели, которые преследовали и Лондон, и Петербург, на Среднем Востоке и в Афганистане, в частности, на наш взгляд, были одинаковы: не допустить утверждения соперника. И для Англии, и для России важно было иметь четкую буферную зону. Для России – в целях ограждения рынков Средней Азии, а для Великобритании – защиты Индии. Афганистан и становился своеобразным буфером между двумя соперничающими державами. От того, чье влияние в Кабуле будет сильнее, зависел исход усиливавшегося соперничества Лондона и Петербурга в этом регионе Азии.

Россия, в свою очередь также пристально следившая за событиями в Афганистане, с тревогой воспринимала активизацию англичан на своих южных рубежах. Прибывшего в мае 1836 г. в Оренбург афганского посла не только встретили с большими почестями и после короткого отдыха и переговоров отправили в Петербург (сопровождал посла адъютант Перовского И.В.Виткевич – В.Ш.), но и всячески старались уверить в искренних намерениях российской стороны упрочить взаимные отношения. Это в полной мере совпадало и с желанием Дост-Мухаммеда, выразившего в послании намерение "утвердить между двумя высокими державами мощь дружества" [2, ф.6, д.738, л.3 – 4]. Центральное место в переговорах российской и афганской сторон стали занимать вопросы взаимной торговли. Оренбургский военный губернатор отмечал совпадение позиций Петербурга и Кабула по вопросу усиления англичан на Среднем Востоке. Особое беспокойство вызывало намерение англичан сместить Дост-Мухаммеда и привести к власти в Кабуле Шуджи уль-Мулька. В этом случае англичане

станут хозяевами положения; они будут контролировать не только весь Афганистан и прилегающие территории, но вплотную подойдут к границам Бухарского ханства. А это, по мнению Перовского, приведет к тому, что вся "Средняя Азия подчинится их [англичан] влиянию, азиатская торговля наша рухнет" [11, С.789]. Не случайно одним из центральных вопросов, обсуждавшихся в Кабуле во время ответной миссии, которую возглавил адъютант Перовского И.В.Виткевич, был вопрос торгово-экономического сотрудничества. Судя по рапорту российского посланника, намерение Петербурга развивать торговлю с Афганистаном вызвало полную поддержку со стороны Дост-Мухаммеда [12, С.206]. Успех российско-афганских переговоров встревожил английские власти. Стремясь не допустить их усиления и упрочения, Лондон предпринял все возможное, чтобы не только сорвать эти переговоры, но и ускорить военное вторжение в Афганистан.

В середине 30-х гг. XIX в. афганские купцы и ростовщики играли важную роль в экономической жизни Бухарского ханства. Доставляя в Среднюю Азию индийские товары, они в большом количестве вывозили в Кабул золото и монеты из драгоценных металлов. Торговую и ростовщическую деятельность на рынках Средней Азии афганские предприниматели не прекращали даже в периоды резкого обострения ситуации в самом Афганистане. П.И.Демезон, описывая события в этой стране, отмечал: "Афганистан, терзаемый в течение нескольких лет междоусобными войнами, беспрепятственно нарушающими спокойствие, находится сейчас на пороге одного из своих сильнейших политических кризисов, результаты которого трудно предугадать: то ли государство будет восстановлено, то ли придет к полному краху, но последствия эти не замедлят сказаться на политике государств, окружающих его или поддерживающих с ним политические или торговые связи" [7, С.22]. Слова Демезона оказались во многом пророческими. Даже распространившиеся о возможном походе России и Ирана на Герат слухи встревожили англичан и, "опасаясь союза двух сильных врагов, что обещало бы большие возможности для расширения торговли этих государств, англичане решились на шаг, на который раньше пошли бы не без опасений, а именно – восстановить на троне принца, который был бы обязан им коро-

ной и в связи с этим находился бы в зависимости от них" [Там же, С.23]. За событиями в Афганистане пристально следили и правители ханств Средней Азии. Петр Иванович замечает в своем отчете, что "эти новости относительно Пенджаба и Афганистана, подтвержденные многочисленными письмами, полученными в последнее время Бухарой из Лахора и Кабула", он получил от доктора Хонигбергера, который прибыл в Бухару из Кабула с января 1834 г. Не случайно, в Афганистане активизировали свою деятельность и английские эмиссары. В начале 30-х гг. в Кабуле побывали Джозеф Вольф (1831 г.), доктор Жерар, Александр Бернс, доктор Хонигбергер и др. Усиление внимания англичан к Афганистану не осталось незамеченным Санкт-Петербургом. Россия, заинтересованная в сохранении и развитии выгодных торгово-экономических отношений с Кабулом и Гератом, не могла оставаться безучастной к событиям в Афганистане, тем более что "по ту сторону Гиндукуша, – беспорядки и внутренние войны и, по-видимому, в ближайшее время там ожидается смена династии" [Там же, С. 26]. Вторжение англичан в Афганистан в 1838 – 1839 гг., захват Кабула 9 августа 1839 г. вызвали отрицательную реакцию и явную обеспокоенность Петербурга. Продвижение Лондона к границам среднеазиатских владений создавало угрозу торгово-экономическим и военно-стратегическим интересам Петербурга в этом регионе. Ситуация с захватом Афганистана могла усугубиться враждебными действиями Хивы по отношению к России. Поэтому уже в ноябре 1839 г. против Хивы была направлена военная экспедиция Перовского. Поход русской армии в Среднюю Азию – не только демонстрация силы и подтверждение твердого намерения Петербурга военной силой отстаивать свои интересы в этом регионе, но и попытка защитить свои торгово-экономические притязания. Россия не могла допустить дальнейшего продвижения англичан вглубь Центральной Азии: теснимая англичанами на рынках Ирана, она не могла позволить утратить свои позиции в Средней Азии и уступить пальму первенства Лондону. Несмотря на то, что поход Перовского на Хиву был неудачным, само намерение России не осталось незамеченным в Лондоне. А.Е.Снесарев отмечал: "Англия к этому моменту выяснила, что, если Россия сейчас активно действовать и не может, то в ближайшем бу-

дущем она, во-первых, будет в силах предпринять более реальные шаги в этом направлении и, во-вторых, достаточно одного приближения России в поле зрения Афганистана, чтобы за этим последовали самые серьезные результаты" [13, С. 211].

Российские власти прибегают к самым различным источникам по сбору информации о событиях в Афганистане: сообщения чиновников в ханствах Средней Азии, донесения российских консулов в Иране, рассказы купцов, отчеты разведчиков и т.д. – все представляло интерес. Но, конечно, наиболее ценные сведения можно было получить от самих афганцев, тем более высокопоставленных. В этой связи хочется рассказать о приеме в Оренбурге афганского принца Шахзаде Фарруха. Еще 1 августа 1831 г. унтер-офицер И.В.Виткевич, находившийся в казахских степях, отправил донесение председателю Оренбургской пограничной комиссии о том, что 29 июля он специально ездил в бухарский караван, который располагался у устья реки Сазды, для сбора сведений об афганском принце Шахзаде Фаррухе. Расспросив находившимся в караване кокандца, унтер-офицер выяснил, что афганский принц следует в Оренбург. С ним находятся его жена, трое сыновей и две дочери. В свиту принца входили четыре афганца, сын влиятельного кокандского чиновника Адамбая и четыре наложницы с несколькими детьми. Шахзаде Фаррух прожил в Бухаре 6 лет и был окружен теплой заботой, поскольку доводился дядей вдове бухарского хана Мир-Хайдара. Оставив Бухару, в течение 18 месяцев принц находился в Хиве, где также пользовался "большим уважением и получал одинаковое содержание" [2, ф.6, оп.10, д.3778, л.3 об.]. По приезду в Оренбург Шахзаде Фаррух намеревался "отправиться ко двору и испросить у Его Императорского Величества позволения на проезд в Турцию" [Там же]. В России принц прожил 1,5 года. В Оренбурге ему оказали теплый прием. От имени оренбургского военного губернатора, графа Сухтелена принцу выдали 100 рублей серебром, а затем назначили ежемесячное жалованье на проживание в размере 500 руб. в месяц [Там же, л.4, 20]. Зимой 1833 г. Шахзаде Фаррух выехал из Оренбурга в Коканд, откуда намеревался отправиться в Мекку. Не вызывает сомнений, что оренбургские губернские власти за время пребывания принца в России сумели получить от

него самую разнообразную информацию как об Афганистане, так и о взаимоотношениях Кабула с соседними государствами.

Сведения, приведенные П.И.Демезоном об афганцах, занимавшихся торговлей и ростовщичеством в Бухаре, еще раз доказывают мысль о том, что, несмотря на крайне напряженную обстановку в самом Афганистане, афганские купцы не прекращали свою торговую деятельность на рынках Средней Азии. Нам представляется, что афганские торговцы, бесполоившиеся за свою жизнь и капиталы, с обострением ситуации на родине, напротив, активизировали свою деятельность в соседних государствах, где они чувствовали себя намного безопаснее. Афганские купцы жили в следующих бухарских караван-сараях: Мирзачуль, Бадреддин, Абдулладжан (афганцы-логани – В.Ш.), Сарайи Аёз. То, что афганские купцы старались держаться вместе, объясняется рядом причин: среди них было сильно чувство поддержки и взаимовыручки; многие афганцы курили, что запрещалось в ханстве, но дозволялось в местах компактного расселения индийцев и афганцев. Наконец, общность языка, религии, культуры, многих обычаев, которые казались порой странными представителям других народов. Кроме валютных операций афганские торговцы вывозили почти весь шелк-сырец, который поступал в Бухару из Коканда и Ходжента. По сравнению с бухарским кокандский шелк был выше качеством и продавался дороже: кокандский – по 16 тилла за пуд, а ходжентский – по 15 тилла [7, С. 74]. В Герат вывозились бухарские черные каракулевые шкурки, где они продавались по 5 – 6 тилла за десяток (от 75 до 90 руб. – В.Ш.), а из Герата и Кабула ввозились лисьи шкуры. Кроме этого, из Кабула в ханства Средней Азии экспортировались усма, зарчуба, афганские ружья, сабли, кинжалы, луки, рис; из Пешавара – лунги (белые и голубые тюрбаны из хлопка), рис, нюхательный табак, табакерки из кокосового ореха, весы, сахар-сырец и "немного сахара, изготовленного в Джелалабаде и в Сукмане, в двух днях езды от Кабула". В свою очередь, из Бухары в Кабул вывозили кроме золотой и серебряной монеты, слитки драгметаллов, шелковые и полупелюшковые платья, шелковые носовые платки, чай, китайский фарфор, кокандскую коноплю, туркменские коджари (попоны для лошадей). Значительную статью бухарского

реэкспорта составляли российские изделия: золотые и серебряные нити, нанка, олово, медь, железо, сукно, воск, шелковые ткани, сундуки, русский фарфор, бумага, зеркала, иглы, подносы, выделанную кожу и "некоторые мелкие товары из стекла" [Там же, С.80]. Те же российские изделия вывозились и в Герат. А оттуда везли ковры по цене от 6 до 40 тилла, ягнят (как пишет Демезон, некоторые из них попали в Россию), фисташки, сухой чернослив, опиум. Афганские купцы закупали туркменских аргамаков, которые доставлялись в Бухару из Хивинского ханства. Аргамаков афганцы потом перепродавали в Индию "по баснословным ценам". Основные торговые пути, связывавшие ханства Средней Азии с Афганистаном, проходили через речные переправы по Аму-Дарье. Важнейшими из них являлись Келифская и Термезская [13, С.67]. При переправе использовались баржы, перевозки-каюки, турсуки [Там же, С.66].

Отдельные афганские торговцы, которые вели активную торговлю в Бухаре, имели в столице ханства недвижимость. В середине 30-х гг. по значимости капиталов выделялся богатый афганский торговец Бедрутдин, который имел в Бухаре собственный караван-сарай. Прапорщик И.В.Виткевич отмечал: "Купец этот имеет жен и дом в Бухаре, приезжает ежегодно из Кабула и первый капиталист в Бухаре: у него полагают до 40 т. тилла, или 160 т. руб. Он ежегодно вывозит в Кабул до 100 лучших лошадей и много русских товаров" [7, С.101]. Афганские купцы жили не только в Бухаре, но и столицах других среднеазиатских ханств. В Коканде, к примеру, многие из афганцев занимались ростовщичеством. Жили они не только в столице ханства, но и других городах [9, С.424].

К концу 30-х гг. XIX в. англичане активизировали свою деятельность в Герате. Летом 1839 г. они навязали шаху Камрану Гератскому договор о дружбе и союзе, в соответствии с которым шахское правительство должно было согласовывать свои действия с постоянным британским представителем. Статья 10 договора посвящена вопросам торговли: "Его Величество шах Камран будет устранять всякие ненужные препятствия торговли и будет принимать такие меры по увеличению льгот торговцам, какие могут быть признаны Его Величеством целесообразным, согласно совету британского представителя при его дворе" [14, Р.235].

Таким образом, представители Ост-Индской компании сумели добиться официального закрепления своих преимуществ и льгот в западном Афганистане, а торговые связи Герата с соседними государствами, включая Иран и ханства Средней Азии, фактически попадали под контроль чиновников Ост-Индской компании. Однако навязанный англичанами договор не смог подорвать ни внутриафганскую торговлю, ни торговые отношения Герата с соседними государствами. Об этом, в частности, свидетельствуют данные гератского экспорта в Иран и ханства Средней Азии. Так, в 1847 г. только в Астрабаде российскими купцами было закуплено для вывоза в Россию 110 пуд. гератских фисташек, а также большое количество специй, изюма, кишмиша [1, ф. Главный архив I – 9, 1847 – 1854 гг., оп.8, д.11, л. 332]. Не оставляли российские власти и купцы своих планов по развитию прямых торговых контактов с Афганистаном через территорию Хорасана. Горный инженер-подполковник Воскобойников писал в адрес министра финансов 3 (15) марта 1845 г.: "Испросить предварительное у персидского правительства дозволение учредить фактории внутри Персии: а) В гг. Шагруте или Бастане, которые по местонахождению и климату представляют все удобства производить чрез них обширную торговлю с Хорасаном и через г. Герат с Афганистаном" [1, ф. Главный архив II – 3, 1836 г., оп. 34, д.5, ч.1, л.131]. Приведенный пример – свидетельство устойчивого внешнеторгового интереса Российской империи к афганскому рынку, показатель ее желания перейти от опосредованного характера российско-афганской торговли к прямым торговым контактам, минуя посредников.

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода торгово-экономические отношения Российской империи с Афганистаном осуществлялись непосредственно на рынках Средней Азии. Прямые торговые контакты, когда российские купцы выезжали в Афганистан, а афганские торговцы прибывали в Россию, носили скорее эпизодический, а не постоянный характер. Россия была заинтересована в торговых связях с Афганистаном, поскольку через его территорию поступали индийские товары, а в период континентальной блокады и английские промышленные изделия. Как отмечает В.А.Зарин, "искусство индийских ремесленников было столь высоким, что европейцы

смогли перенять их технику и успешно копировать лучшие образцы продукции только во второй половине XVIII в., после введения в Англии усовершенствованных деревянных блоков для нанесения рисунка на ткани" [8, С.181]. Большое значение для внутреннего рынка России имели и специфические товары, которые можно было получить исключительно из Индии (красители, специи, драгоценные камни и т.д.). В свою очередь, и Афганистан крайне нуждался в российских товарах, среди которых особое место занимали металлические изделия, сукно, шелковые изделия, некоторые металлы и пр. С образованием империи Дуррани, включением в ее состав важных в торговом отношении для России территорий, расширились торгово-экономические отношения Афганистана с государствами Средней Азии. От этого расширения торговли, безусловно, выигрывает и Россия, которая увеличила ввоз товаров, поставляемых из империи Дуррани на рынки Средней Азии. В начале XIX в. с расширением торгово-экономической и военно-политической экспансии Великобритании на Среднем Востоке Афганистан оказался в центре англо-русского соперничества. Англия рассматривала Афганистан как плацдарм для дальнейшей экспансии в Среднюю Азию. Россия же приняла все меры к защите своих торговых интересов. Не выдерживавшая острой конкуренции с англичанами в Иране, Россия не могла допустить потери крайне важного для нее в экономическом отношении рынка Средней Азии. Захват Афганистана англичанами означал бы открытие прямого пути для британской экспансии Лондона на север и выход к границам Российской империи. К середине XIX в. торгово-экономическое соперничество России и Англии в Афганистане перерастает в военные баталии: Лондон стремится к захвату Афганистана, а Россия – к упрочению своих позиций в Средней Азии. Накал страстей не стихает и в последующие десятилетия, что приводит, в конечном счете, к открытой военной экспансии России в Средней Азии и утверждению ее к северу от Пянджа и Аму-Дарьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).

3. Борнс А. Путешествие в Бухару. – СПб.: 1848.
4. Ганковский Ю.В. Миссия Богдана Асланова в Афганистан в 1764 году // Советское востоковедение. – 1958. – №2.
5. Ганковский Ю. Империя Дуррани. – М.: 1958.
6. Жигалина О.И. Великобритания на Среднем Востоке (XIX – начало XX в.). Анализ внешнеполитических концепций. – М.: 1990.
7. Записки о Бухарском ханстве. (Отчеты П.И.Демезона и И.В.Виткевича). – М.:1983.
8. Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV – XIX вв. Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка. – М.: 1991.
9. Кокандское ханство по новейшим сведениям. – Цит. по: История Средней Азии. Сборник исторических произведений./ Сост. А.И.Булдаков и др.- М.: 2003.
10. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: 1975.
11. Посланцы из Афганистана в Россию в 1833-1836 гг. // Русская старина. – 1880. – кн. 8.
12. Рапорт Виткевича от 24 ноября 1837 г. // Попов А.Л. Борьба за среднеазиатский плацдарм. В кн.: Исторические записки. – 1940. – № 7.
13. Снесарев А.Е. Афганистан. – Цит. по: Снесарев А.Е. Афганистан. – М.: 2002.
14. Aitchison C.U. A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighboring countries, vol. 8 – Calcutta: 1933.
15. Masson Ch. Narrative of a Various Journeys in Belochistan, Afghanistan and the Panjab; Including a Residence in Those Countries from 1826 to 1838, vol.3. – London: 1842.

RUSSIAN COMMERCIAL RELATIONS WITH AFGHANISTAN IN THE MARKETS OF CENTRAL ASIA (SECOND HALF OF THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES)

© 2008 V.N.Shkunov

Inza State College

The strengthening of the Durrani Empire promoted the development of both internal and foreign trade of the Afghans. From the beginning of the XIX century Russian traders showed heightened interest in the Afghan market. However, many reasons, such as openly hostile position of England, difficult relations of Russia with the Khivan Khanate, whose territory the trading ways to Afghanistan passed through, the absence of reliable information about the country prevented from the establishment of trade and economic relations between two empires. That is why commercial relations among people of two countries were carried out in the markets of Central Asia and did not stop throughout the second half of XVIII – XIX centuries.